

Когда Шао Ицянй вернулся домой, в комнате уже собралась целая толпа людей. Старик Шао сидел на краю кровати, цел и невредим, но правая рука была замотана так плотно, что напоминала большой клейкий рисовый цзунцзы. Кто-то с детской непосредственностью нарисовал на этой белой «обёртке» два глаза и даже добавил три ресницы.

Шао Ицянй, словно обезьянка, прыгал вокруг, осматривая старика, и заметил, что тот выглядел как обычно, за исключением исчезновения своей неизменной трубки.

Затем он поднял взгляд и увидел морщины на лице старика и едва заметные пигментные пятна в уголках глаз.

Его дедушка тоже постарел... Когда это произошло? Он помнил, что вчера утром, когда старик доставал ему карманные деньги, на его лице не было столько складок.

Эх... Хотя, в тот момент его внимание было сосредоточено на пачке разноцветных купюр, и ему было не до других забот.

Эта мысль вызвала у него недоумение. Как так получилось, что его дедушка тихо и незаметно стал старым и некрасивым? Почему никто не сказал ему об этом?

Он не знал, что делать, и толкнул старика локтем, крикнув:

— Эй, дед, а твоя старая трубка где?

Старик Шао промолчал. Старина Чэнь, не умевший держать язык за зубами, вмешался:

— О каком курении речь? Его лёгкие уже как решето, если продолжит, станут как соты.

Старик Шао резко ответил:

— Ты ещё говоришь? Не будем о лёгких, ты мне палец сгноил. Хочу спросить, как ты вообще закончил медицинский колледж?

Старина Чэнь не смог ответить, покраснел и, помолчав, сказал:

— Эх, старина, ешь что хочешь, не мучай себя.

Мама Шао, женщина вспыльчивая, тут же закатила глаза и, не проявляя уважения к старшим, сказала:

— Ты только и делаешь, что говоришь! Меньше болтать — что ли, похудеешь?!

Старик Шао:

— Ну конечно! Ты всегда такая резкая, слова из тебя так и сыплются, будто всем хочется заглянуть тебе в guts. Тут тебя ничего не держит, сворачивайся и уходи.

Несмотря на то что тесть и невестка объединились против постороннего, этому болтливому ворону всё же не удалось вытеснить его. Он самодовольно уселся на старом кресле в комнате, с видом, словно сам напрашивался на неприятности.

Вскоре пришёл Янь Янь.

Старик Шао закрыл дверь и серьёзно сказал:

— Хорошо, что все дома. Давайте проведём семейное собрание.

— Пока я был в городе, чтобы зашить палец, в больнице обнаружили кучу проблем. Сделали снимок, сказали, что в лёгких что-то есть... что-то вроде...

Старина Чэнь услужливо добавил:

— Тень.

— Да, тень. Врач сказал, что, возможно, это опухоль...

Старина Чэнь:

— Какая опухоль! На снимке виден признак «S», скорее всего, это рак бронхов.

Старик Шао схватил чесалку для спины и ударил им, добившись кратковременного спокойствия, и наконец смог продолжить:

— ...рак. Потом заставили подписать что-то, вставили длинную трубку в нос, копались в лёгких, вырезали кусочек ткани для дальнейшего анализа. Сказали прийти за результатами через два дня. Я думаю, что результаты вряд ли будут хорошими, поэтому решил сразу всех предупредить. Не переживайте, что будет, то будет. Если можно вылечить — вылечу, если нет, не заставляйте меня мучиться. Просто кормите меня вкусно и хорошо...

Старина Чэнь не выдержал и наконец взорвался:

— Какая длинная трубка! Это называется фибробронхоскоп, для биопсии. Заведующий отделением — мой знакомый, он сказал, что сначала сделает анализ, а потом позвонит мне с результатами.

Старик Шао сухо сказал:

— ...верни мне палец, тогда можешь говорить что угодно.

Старина Чэнь:

— ...говори, говори.

Старик Шао:

— Вот как обстоят дела. Как говорится, «у семьи, творящей добро, будет избыток благословения, а у семьи, творящей зло, — избыток бед». Когда человек приближается к смерти, у него появляются суеверия. Я думаю, что у меня всё же есть благословение... Если нет, то смиритесь, не плачьте и не устраивайте сцены, это стыдно. Я ничего не скрываю, это первое дело.

Шао Ицяннь слушал и чувствовал, что что-то не так. Почему этот старый ворчун говорит так, будто готовится к смерти? Ему стало грустно, и он, необычно послушный, встал на колени у кровати, изучая руку деда.

Если быть точным, он проявил детское невежество.

Старик Шао продолжил:

— Второе дело, в нашей семье будет пополнение. Вчера вечером у невестки заболел живот, пошли в больницу, оказалось, что она беременна уже около месяца, сама дура, и не знала.

Пёс, не желая оставаться в одиночестве, «мяукнул» и, приняв жалобную позу, прыгнул на край кровати, потерся мордой о здоровую руку старика.

Старик Шао прищурился, посмотрел на кота, потрогал его живот и, поняв что-то, добавил:

— Старый Пёс тоже ждёт потомства?

Ну что ж, не рожают — так все сразу. И люди, и кошки.

Шао Ицяннь удивлённо воскликнул и тут же отвлекся — он столько лет дружил с Пёсом и только сейчас узнал, что они разного пола! Оказывается, это кошка!

В последнее время эта старая кошка нашла себе какого-то уличного кота, не посоветовавшись с семьёй, и решила свою судьбу. Это заставляло задуматься.

Этот Пёс, эх... о нём и говорить нечего.

— Старина Чэнь, старина Чэнь! Ты выходи!

Едва эти слова прозвучали, во дворе кто-то громко позвал старину Чэня. Через мгновение дверь распахнулась, и в комнату ворвался Чэнь Мэн, крича в отчаянии:

— Я не буду переводиться в другую школу, хоть убейте! Если заставишь меня перевестись, я... я брошусь в колодец! Повешусь! Выпью крысиный яд!

Старина Чэнь не стал его слушать, просто сказал рассеянно:

— Крысиный яд лежит рядом с аспирином, только не перепутай, аспирин дорогой.

Чэнь Мэн:

— ...

Шао Ицяннь, не упустив возможности поддеть, сказал:

— Иди, иди, я тебя подтолкну, если будешь прыгать в колодец, а если повесишься — найду верёвку.

Чэнь Мэн, поняв, что угрозы не работают, тут же сменил тактику и начал уговаривать:

— Дедушка, я не хочу переводиться, у меня в школе всё хорошо, зачем мне ехать в город? Я всегда первый в школе, разве я не приношу славу нашей семье?

Старина Чэнь нетерпеливо махнул рукой:

— Протест отклонён, я уже оплатил учёбу, и твоё дело перевели.

Шао Ицяннь, не упускавший возможности подлить масла в огонь, подхватил:

— Слышал? Ты вспомнил, что забыл вытереть зад, когда уже надел штаны — поздно!

Чэнь Мэн не обращал внимания на его насмешки, продолжая уговаривать старину Чэня.

Старина Чэнь рассердился, повысив голос:

— Нет, нет и нет! Ты думаешь, у тебя есть выбор? Он редко злился, обычно был спокоен, поэтому его гнев был особенно устрашающим.

Чэнь Мэн, всегда послушный ребёнок, тут же замолчал, покраснел и, сдавленно прошептал, сказал:

— Я никого там не знаю, я точно никого не узнаю.

Бабушка Шао, откуда ни возьмись, появилась с пакетиком семечек, и все начали щёлкать их, наблюдая за переговорами деда и внука.

Старина Чэнь:

— Не морочь мне голову, бабушка тебе вещи собрала?

Чэнь Мэн тихо:

— Дедушка... не хочу... не хочу...

После нескольких минут таких разговоров старина Чэнь окончательно разозлился, вскочил, схватил Чэнь Мэна за ухо и потащил наружу, наставляя:

— Что ты здесь можешь выучить? Ты думаешь, что первый в школе — это всё? Тебе ещё далеко до этого! Чтоб ты вышел в люди и набрался ума, а ты тут упрямисься... Когда ты родился, ты меня тоже не знал! Не знал — познакомисься!

Чэнь Мэн открыл рот, потупил взгляд и совсем сник, его поволокли домой за ухо.

<http://bllate.org/book/16843/1549640>